Лавровский Михаил Леонидович

30.10.96.

Спартак и Казанова в одном лице

КП в Москве (прил. к Комс. правде) – 1996 – 30 окт.

Михаилу Лавровскому, легенде советской сцены 70–х годов, народному артисту СССР, исполнилось 55 лет

Фото Е. УМНОВА.

День Лавровского расписан буквально по минутам, причем не только на сегодня или на завтра, а по крайней мере на неделю вперед. Все же после настойчивых вечерних звонков с просьбой об интервью балетмейстер сумел выкроить полчаса.

– Михаил Леонидович, могла ли ваша судьба сложиться как–то по–другому или вы были просто обречены стать артистом балета?

– Думаю, был обречен. Мой отец, Михаил Леонидович, был главным балетмейстером в Ереване, Ленинграде, Москве. Мама – Елена Георгиевна Чикваидзе – была солисткой в Тбилисском, Мариинском и Большом театрах. Может, все могло сложиться по–другому – я, конечно, был бы актером, но не обязательно балетным. Но мама с отцом разошлись. После развода родителей мне некуда было больше идти – как мама могла бы следить за мной, если бы я пошел в какую–то другую отрасль.

– Выделялись ли вы по таланту в балетном училище?

– Нет, но честолюбие у меня было сильно развито – я очень хотел быть, мягко говоря, не последним. Но к "балетным" детям относились натянуто, и я испытывал сильное давление. Сразу понял, что мне надо крепко стоять на ногах, биться до конца, подняться, если упаду, будет очень сложно. Если бы я сохранил до конца своих творческих дней ту силу характера, которую имел в 12 лет, мне было бы приятнее существовать среди интриг.

– Помните ли свою первую настоящую роль на сцене Большого?

– Первая сознательная роль, которая принесла удовлетворение, – Принц в "Золушке" Прокофьева. Мне очень помогла замечательная балерина Стручкова, которая научила меня работать и взяла в эту партию. А дебютировал я в балете "Пламя Парижа".

– В 1970 году за балет "Спартак" вы получили Ленинскую премию. Большие ли это были деньги и как вы их потратили?

– Премию мы поделили на всех (Григорович, Версаладзе, Рождественский, Лиепа, Васильев). Я получил около двух тысяч рублей – по тем временам приличные деньги. Мы сложились и устроили большой банкет для всех работников театра.

– А как вы уходили из Большого театра?

– Я, честно говоря, уходил не сам – меня уволили. Вышло постановление, что после 20 лет на балетной сцене артистов надо увольнять. Было обидно расставаться с Большим, но я ушел. Потом Григорович пригласил меня в свой балет, а через два года, в 1990 году, принял в Большой театр, где на следующий сезон я поставил "Казанову" на музыку Моцарта.

– Вы работали в американском Атлант–театре...

– В Атланте в 1990 году я ставил пробный вариант "Вариаций на тему Казановы". Я там пробыл полтора месяца и получил от директора труппы предложение стать главным балетмейстером. Но я считаю, что, несмотря на все плохие периоды, которые бывают в Большом, – падения, глупости руководства, интриги министерства и правительства, выше искусства, чем в Большом и Мариинском театре, нет нигде в мире. Поэтому я и не остался в Америке.

– Давайте перейдем к сегодняшнему дню. Насколько я знаю, у вас очень хорошая балетная школа?

– Школа работает три года, и она действительно прекрасная, и педагоги блистательные. Замечательный директор – душа этой школы. Замечательные ученики. Так же я работаю с Николаем Анатольевичем Басниным в камерном балете "Москва" – там я могу делать все, что пожелаю. Возобновляем "Жизель". Но сейчас я, честно говоря, больше всего думаю о том, как бы заработать деньги.

– Слышал, что вы собираетесь в Испанию?..

– Я уехал бы (моя жена испанка), но, по–моему, там балет не очень нужен.

– Вы работаете над постановкой драматического спектакля "Последняя ночь последнего царя" вместе с Валерием Фокиным. Когда и где намечена премьера?

– В ноябре, в "Манеже". Соприкосновение с Фокиным для меня чрезвычайно интересно – это очень талантливый, очень самобытный, очень оригинально мыслящий режиссер. Работая с Фокиным, я понимаю, как скрупулезно, до мельчайших подробностей режиссер доводит до совершенства спектакль. Его не устраивает малейший нюанс света, поворот головы, темп речи... Ни себе, ни актерам он не дает никакой поблажки.

– Что вас сейчас связывает с Большим театром, где мы беседуем?

– Я был уволен с моей предыдущей должности балетмейстера, а сейчас принят как репетитор и педагог. Я работаю в родном театре, и мне приятно работать с молодыми артистами, но говорю откровенно, что собираюсь найти себе достойную работу за рубежом.

– Уехать за границу вы хотите только по материальным соображениям?

– Не хочу, чтобы здесь находился мой девятилетний сын Леонид, ему, конечно, лучше было бы в Испании. Он очень мягкий, добрый, такой поэт–философ, и ему будет крайне трудно здесь.

– А вам не трудно будет постоянно жить вне России?

– Если я буду знать, что мой ребенок нормально учится в нормальной стране, и я могу содержать семью, мне будет достаточно преподавать классы, чтобы заниматься творчеством (без него я не могу). Я могу уехать куда угодно один, но я хочу уехать достойно.

Беседовал Алексей БЕЛЫЙ.

193